

© 2009 г.

А.С. СЕНЯВСКИЙ

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Выход в свет в издательстве “Наука” фундаментальной монографии академика РАН В.В. Алексеева и доктора исторических наук, профессора Д.В. Гаврилова “Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней”¹ переворачивает наши привычные представления о значимости отраслевой и региональной истории, которую в отечественной историографии негласно было принято относить к “второстепенным”.

Этот научный труд характеризуется не только энциклопедическим охватом и глубиной проникновения в освещаемый предмет, но и неожиданным раскрытием общемирового значения уральской металлургии в контексте движения человечества по пути индустриальной модернизации. В нем впервые в историографии комплексно рассматриваются процессы создания и трансформации металлургии Урала с древнейших времен до наших дней, включая ее материально-техническую базу, совершенствование технико-технологических основ, решение кадровых и экологических проблем, формирование и функционирование механизмов управления отраслью. Впервые также предлагается новая трактовка общетеоретических и конкретных проблем ее развития, в том числе оригинальный подход к концептуальной оценке уральской металлургии в системе хозяйственных связей в контексте модернизационных процессов, протекавших в России и в мире, выясняется место отрасли в мировой индустриальной цивилизации. Не только место металлургической отрасли в отечественной истории XVIII–XX вв., но и постоянное обращение к взаимосвязям внутрироссийских процессов со всемирными явлениями – одна из особенностей монографии, в которой проявляется системный подход авторов к объекту исследования.

Другая особенность – высокий теоретико-методологический и методический уровень, проявившийся не только в постоянной опоре конкретно-исторических разделов книги на основательную концептуальную базу, но и в специальном обращении авторов в главе “Методология” (с. 126–238) к ее обоснованию, с учетом и в контексте отечественной и зарубежной историографии, которым также посвящена целая глава (с. 23–125). В этой главе не только дано детальное освещение российской историографии по вопросам развития уральской металлургии, но и впервые в специальном разделе (с. 73–103) подробно рассмотрена зарубежная историография вопроса. Авторы убедительно показали, при некоторых исключениях, ангажированность, предвзятость (в период “холодной войны”), схематизм и в целом слабое знание иностранных историков о процессах в России, включая уральскую металлургию, в том числе отмечена вторичность их трудов по источниковой базе по отношению к исследованиям отечественных историков.

У зарубежных авторов почти нет фундаментальных исследований по истории металлургии в своих странах, нет у них таких исследований и по истории металлургии

Сенявский Александр Спартакovich – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра “Россия, СССР в истории XX века” Института российской истории РАН.

¹ *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: “Наука”, 2008, 886 с.

в России. Однако зарубежная историография дает возможность пристальнее присмотреться к некоторым российским явлениям и процессам. Именно поэтому в рецензируемой книге развитие уральской металлургии анализируется с учетом теоретических разработок зарубежной историографии.

В советской историографии 1950–1980-х годов проблема промышленной революции XVIII–XIX вв. освещалась односторонне. Если западноевропейская и американская историография видела в промышленной революции одну из фаз всемирно-исторического развития человечества, рассматривала ее как один из этапов модернизации общества, то советские историки, заменив понятие “промышленная революция” термином “промышленный переворот”, рассматривали его не как продолжительный по времени процесс, захвативший определенную эпоху, а именно как “переворот”, социально-технический скачок, как краткий единовременный акт, связанный с определенными сдвигами в технике, с отдельными техническими открытиями, вызвавшими крутые социальные перемены.

В монографии обосновывается новая точка зрения на протекание промышленной революции в России и на Урале, включенной в промышленную революцию XVIII–XIX вв., рассматриваемую как одна из фаз всемирного модернизационного процесса, как одна из ступеней развития техносферы человечества.

Методологической основой книги стала теория российской модернизации с учетом ее региональных и отраслевых особенностей, разработанная академиком В.В. Алексеевым. Развитие уральской и российской металлургии, социально-экономические и технико-технологические трансформации рассматриваются в контексте мирового модернизационного процесса, который понимается как всеобъемлющий комплекс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, как совокупность subprocesses, охватывающих экономическую, социальную, политико-правовую, культурную и другие сферы общественной жизни. Теорию модернизации авторы считают, и не без основания, одним из наиболее надежных в настоящее время – в мировой и отечественной исторической науке – методологических инструментов для исследования сложных процессов, происходящих на макроуровне в социально-экономической жизни.

Исследование В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова вносит существенный вклад в изучение “исторических разрывов”, смены “эпох”, раскрывает социально-экономическую базу социальных стратификаций, показывает, что вектор общественного развития постоянно определялся потребностями модернизации. При этом и столь значимый регион (Урал), и одна из важнейших отраслей (металлургия), концентрирующие в себе квинт-эссенцию достижений и проблем страны на пути индустриальной модернизации, при всей специфике, отражают как общероссийские, так и многие общемировые тенденции и проблемы.

Новым словом в российской исторической науке явился многосторонний и детальный анализ в книге места и значения уральской металлургии в мировых модернизационных процессах, ее взаимосвязей с развитием мировой экономики. Авторы показывают, что в середине XVIII в. Россия благодаря Уралу (производившему 4/5 российского чугуна и железа и 100% меди) по производству чугуна обогнала Англию и вышла на второе место после Швеции, а на рубеже XVIII–XIX вв. по производству черных металлов вышла на первое место в мире, произведя более трети выплавки мирового чугуна, и около четверти меди (с. 354). Экспорт российского “уральского” железа рос стремительно и оттеснил прежнего монополиста – Швецию, причем главным потребителем была Англия – до 80% русского экспорта. Можно сказать, что английский “промышленный переворот” во второй половине XVIII в. во многом основывался на импорте продукции уральской металлургии. Без импорта российского железа не могли обойтись и другие страны Запада – Франция, Голландия, Испания и др. (с. 356). На экспорт шло около трети всей уральской продукции, поэтому ряд заводов имел исключительно экспортную специализацию. Металлургический экспорт России в Западную Европу составлял лишь часть огромного экспортного потока, включавшего полотно, парусинный холст,

лен, пеньку, лес, кожи, сало, воск, без которых не могли обойтись ни флот Англии, ни хозяйство Франции, которая ввозила накануне революции 1879 г. около 1/5 импортируемых ею товаров (с. 358), ни ряд других крупных европейских держав.

Таким образом, в XVIII в., в “золотом веке” уральской древесноугольной металлургии, уральский металл вышел на мировую арену и сыграл важную роль в мировой истории, в осуществлении в Англии в конце XVIII – начале XIX в. промышленной революции, открывшей всемирную эпоху перехода от мануфактурной стадии развития промышленности к фабричной системе, машинной индустрии, ставшей важнейшим этапом глобального процесса модернизации, трансформирования традиционного аграрного общества в современное индустриальное общество. Без уральского железа английская промышленная революция, как признают исследователи, затянулась бы надолго. Начавшись во второй половине XVIII в. в Англии, промышленная революция затем распространилась на другие страны, в течение одного-полутора столетий изменив облик всего мира. Авторы убедительно показали до сих пор малоизвестную, недооцененную, но очень весомую роль уральской металлургии в этом всемирно-историческом процессе.

Мощный государственный взлет России в XVIII в. во многом основывался на ее огромном экономическом потенциале, прежде всего, лидерстве в мировой металлургии – передовой отрасли той эпохи. Благодаря успехам металлургии, превращению ее в важнейшую отрасль экономики страны, Россия из чисто аграрной постепенно становилась индустриально-аграрной страной. Создание мощного военно-промышленного потенциала дало возможность одержать победы над самыми могущественными государствами того времени – Швецией и Османской империей, получить выход к Балтийскому и Черному морям. Экстенсивная мощь российской империи в конце XVIII в. явилась одним из важнейших феноменов всемирной истории.

Однако в России промышленная революция XVIII–XIX вв. проходила, по сравнению с промышленно развитыми странами Западной Европы и США, со значительным опозданием и развивалась более медленными темпами, растянулась на столетие. В уральской металлургии она проходила в условиях феодального хозяйства, а после 1861 г. – в условиях перестройки феодальных вотчин в капиталистические предприятия. На Урале отсутствовали залежи каменного угля, пригодного для коксования при существовавших тогда технологиях, не было до 1878 г. железных дорог. На развитии металлургии промышленности сказывались замкнутость и обособленность региона, оторванность его от центра страны и других промышленных районов. Все это наложило отпечаток на ход промышленной революции в регионе, обусловило своеобразие ее энергетической, топливной и коммуникационной базы. В первой половине XIX в. уральская металлургия продолжала использовать экономически менее эффективные древесное топливо и гидравлические двигатели, потеряла внешние рынки, но смогла быстро переориентироваться на очень емкий внутренний рынок. Урал в способах осуществления промышленной революции не был одиноким. Американская металлургия вплоть до 60–80-х годов XIX в. развивалась преимущественно на базе древесноугольного топлива. Шведская металлургия все фазы промышленной революции в конце XIX – начале XX в. прошла тоже на древесноугольном топливе.

Хотя в этот период древесноугольная металлургия Урала по своей технико-технологической базе и экономическим показателям находилась на уровне древесноугольных металлургических заводов западноевропейских стран и США, сама эта технология уходила в прошлое. Уже в начале XIX в. переход к использованию минерального топлива – угля вывел Великобританию в разряд крупнейших металлургических держав (с. 354), а ее раннеиндустриальная модернизация получила собственную основу. Авторы выводят исторический урок из этого драматического для России поворота: экстенсивный путь является эффективным лишь на первых этапах развития, и “...к нему своевременно должны подключаться интенсивные, убыстряющие, напряженные факторы роста, связанные с крупными капиталовложениями, внедрением новой техники и передовых технологий, достижением максимальной производительности труда. Если этого не происходит, отрасль вступает в полосу упадка и застоя” (с. 358). Так, российский экспорт

железа и других металлов постепенно вытеснялся более эффективными европейскими производителями. Противоположный пример: Россия в начале XIX в. не могла производить высококачественную сталь, и вынуждена была импортировать ее из той же Англии, но изобретение в этой области крепостного металлурга-самоучки С.И. Бадаева вскоре освободила страну от импортной зависимости от Англии (с. 372).

Ставка на сохранение древесноугольной металлургии при игнорировании минерального топлива – главный технологический просчет того времени, вызвавший кризис уральской металлургии. Подробно осветив техническую революцию в металлургии первой половины XIX в., авторы показывают отставание России в использовании этих достижений, что и привело к откату ее с первого места в мире в 1800 г. до седьмого места в 1860 г., но не только из-за отсутствия новшеств, но и в связи с социально-экономическими условиями, прежде всего, сохранением крепостного права (с. 399).

Лишь в 80 – 90-е годы XIX в. уральской металлургии удалось преодолеть упадок и застой на основе капиталистической перестройки и освоения технических достижений промышленной революции. Но все же Урал потерял монопольное положение в российской металлургии и был оттеснен на второй план югом страны (с. 442). По выплавке чугуна Россия, после длительного отставания, к концу XIX в. вышла на четвертое место в мире, а меди – на десятое (с. 471).

В книге представлен интересный сюжет, посвященный сопоставлению металлургии Урала с металлургией США и западноевропейских стран конца XIX – начала XX в. (с. 495–498). В нем показано, как технико-технологические и организационные нововведения помогли США вырваться вперед, обогнать прежнего лидера – Англию, и оставить далеко позади другие металлургические державы. Причем к 20-м годам XX в. коксовая металлургия США и Германии совершила новый рывок, вследствие которого старая древесноугольная металлургия оказалась полностью неконкурентоспособной (с. 496).

Однако на фоне ряда других европейских стран, например, Швеции, уральская металлургия имела отнюдь не худшие технико-экономические показатели (с. 496), а реконструкция и внедрение новых доменных печей обеспечили прогресс в росте производительности труда и объемах производства.

На начало XIX в. приходится экономический кризис 1900–1903 гг. и последовавшая депрессия (до 1909 г.), вновь отбросившие Россию на пятое место (после США, Германии, Великобритании, Франции). Промышленный подъем 1910–1914 гг. выразился в техническом переоснащении уральской промышленности, внедрении новых технологий, организационно-управленческих новшеств (с. 447). В книге на большом фактическом материале показывается, что на Урале во время промышленного подъема 1910–1914 гг. формировалась новая модель экономического роста. Стимулом для рывка металлургии Урала стала Первая мировая война, во время которой регион значительно увеличил свой промышленный потенциал за счет строительства новых заводов и создания производств, приема эвакуированных предприятий (с. 501). И Урал к 1917 г. уже не был “символом технической отсталости”, как вслед за В.И. Лениным, писавшим по данным 80-х годов XX в., ошибочно утверждали некоторые советские историки (с. 499). Таким образом, авторы исследования развенчали еще один старый миф отечественной историографии.

После Октябрьской революции 1917 г. большевики выдвинули свою программу модернизации экономики и всей общественной жизни страны. Ее основой стали план ГОЭЛРО и пятилетние планы, по своей социальной направленности коренным образом отличавшиеся от проектов прежних буржуазных правительств. Но в рамках советской модели развития решались все те же общецивилизационные задачи индустриальной модернизации.

Гражданская война нанесла катастрофический ущерб металлургии России. Если в США и Англии производство чугуна сохранилось на довоенном уровне, то в России оно составило менее 3% от довоенного (с. 519–520). Восстановление было длительным: даже в конце 20-х годов XX в. Урал не достиг уровня 1913 г. (с. 532, 539), тогда

как во Франции уровень 1929 г. был превзойден почти вдвое, а в США – на 37 % (с. 539).

Именно сложная международная обстановка стала мощным фактором, потребовавшим ускорения технического перевооружения армии СССР, а вместе с тем, и перехода к политике форсированной индустриализации и создания мобилизационной экономики. Как показали авторы, советская форсированная индустриализация опиралась на металлургию, которая стала ее основной материальной базой (с. 549). В 1930-е годы происходила коренная реконструкция уральской металлургии (с. 551), рост капиталовложений (с. 552), совершенствование системы управления отраслью (553), был осуществлен перевод на минеральное топливо (с. 557), строительство заводов-гигантов (с. 559), произошел сдвиг металлургии на Восток страны (с. 577). В начале 30-х годов XX в. СССР не был затронут мировым экономическим кризисом, и в годы первых пятилеток по производству чугуна и стали обогнал почти все промышленно развитые страны Западной Европы, кроме Германии (с. 593), поднявшись на третье место в мире (на первом – США). Германия в 1940 г. произвела чугуна и стали примерно вдвое больше СССР, а США – втрое. Урал накануне Великой Отечественной войны произвел от 18 до 27 % чугуна, стали, проката, железной руды от общесоюзных показателей, но в период военных испытаний именно он стал “опорным краем” страны (с. 595), сыграл выдающуюся роль в достижении победы над фашистской Германией. Разгром гитлеровских войск был результатом успехов советской модернизации 30-х годов XX в. Как признают американские историки, советская индустриальная мощь, сосредоточенная на Урале, стала крупной ресурсной базой антигитлеровской коалиции. Она оказала существенное влияние на исход Второй мировой войны.

В условиях войны произошла перестройка промышленности Урала на производство военной продукции, прием эвакуированных предприятий (с. 605–606). Урал стал главной “кузницей оружия” (с. 627). Весьма показателен раздел книги “Экономическое соревнование Урала и Рура” – средоточия тяжелой промышленности Германии. В нем освещено жесткое экономическое единоборство, из которого Урал вышел победителем. Уже к 1942 г. СССР начал превосходить Германию по количеству и качеству производимой боевой техники, хотя сначала и уступал в производстве электроэнергии в 1,8 раза, стали – в 2,6 раза, угля – в 4,8 раза. За годы войны СССР выпустил почти в 2 раза больше боевой техники и вооружений (с. 638 – 639). Благодаря героическому труду советских людей, мобилизационному характеру централизованной плановой экономики удалось не только в кратчайшие сроки перестроить все отрасли хозяйства, включая металлургию, на военное производство, но и обеспечить его высокую эффективность и производительность труда (с. 639–640).

Не менее впечатляющим, как показывают авторы, был послевоенный перевод производств на мирные рельсы, требовавший смены оборудования и переобучения кадров. В 1946–1970-е годы осуществлялась модернизация уральской металлургии (с. 647–651). Урал существенно увеличил не только объемы продукции, но и долю в общесоюзном производстве – чугуна, стали, проката. Апогей уральской металлургии пришелся на 1971–1991 гг. К началу 80-х годов XX в. СССР достиг уровня экономического развития развитых стран Запада, превзошел по производству черных металлов на душу населения все страны Европы, заняв второе место в мире после США. К 1985 г. промышленная продукция СССР составляла 85% от уровня США (с. 699). Вместе с тем, в книге показано, как нарастали проблемы в экономике СССР, в отличие от многих стран Запада недостаточно реагировавшей на новые тенденции технико-технологического развития и достижения НТР.

В 1971–1991 гг. с одной стороны, ускоренно происходила коренная реконструкция и перестройка уральской металлургии на базе новых технологий (с. 701–702), а по объемам производства чугуна, стали, проката она достигла самых высоких за ее историю показателей (с. 703). По объему производства чугуна и стали СССР вышел на первое место в мире, причем уральская металлургия производила около четверти всех объемов в стране (с. 735). С другой стороны, одновременно произошло отставание в техниче-

ском оснащении и качестве производств, а значительная часть уральской продукции была неконкурентоспособной на мировом рынке (с. 736). Существенно истощилась и минерально-сырьевая база Урала: около половины железных руд, более 70% угля стали завозить из европейской части страны и из Казахстана (с. 736). Обострились и экологические проблемы.

В книге рассматривается также состояние уральской металлургии в постсоветский период. В крайне тяжелых условиях 90-х годов, когда произошла смена модели социально-экономического развития, а вся российская промышленность пережила глубокий спад, главным условием выживания стало умение приспосабливаться к условиям рынка. В условиях, когда внутри страны резко сократилось металлопотребление, ведущей стратегией выживания явились поставки в другие страны сырья и полуфабрикатов, и уральские металлургические заводы стали крупнейшими в мире экспортёрами черных и цветных металлов, вышли в число ведущих участников мирохозяйственных процессов. Окрепшая с тех пор современная уральская металлургия сейчас переживает новую стадию модернизации, происходит коренное перевооружение многих ее заводов на основе современной техники. Авторы книги подчеркивают историческую преемственность: совершающаяся сегодня реконструкция уральской металлургии с переводом ее на более совершенные технологии осуществляется по проектам, выдвинутым еще до перехода страны к рыночной экономике.

Пожалуй, главным научным результатом фундаментального исследования В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова является доказательство не только тесных взаимосвязей уральской металлургии с общемировым экономическим развитием, но и ее поистине всемирно-исторического значения, в течение последних столетий проявившегося и в мощном влиянии на мировую промышленную революцию как ее металлургическая основа (XVIII в.), и как основа имперской мощи России (XVIII – начало XX в.), влиявшей на ход мировой истории, и в роли “главной кузницы” СССР в период Великой отечественной войны, победившей в экономическом соревновании немецко-фашистского агрессора. Вряд ли может быть переоценен вклад уральских металлургов и в технологический прогресс самой отрасли, проявлявшийся в течение веков в многочисленных открытиях, изобретениях, инновациях.

Стержнем социально-экономического и технико-технологического развития уральской металлургии в XVIII–XXI вв. была модернизация. Социально-экономическое развитие России с начала XVIII в., со времени петровских реформ, имело почти постоянный вектор модернизационных преобразований, позволивших, несмотря на непрерывное внешнее давление, недоброжелательность и агрессивность Запада, сохранить свою государственность и свою самобытную цивилизацию, успешно развиваться по пути социального и экономического прогресса.

Модернизация России и Урала имела свои специфические особенности, свои индивидуальные пути развития, свою особую базу ресурсов, особое наследие традиционных институтов, значительно отличавших ее от подобных процессов в странах Запада. Однако, как отмечают авторы, своеобразие протекания в России (и на Урале, в частности) модернизационных процессов, с дореволюционных времен сохранивших ряд специфических черт, не дают оснований отлучать Россию и Урал от мировых путей прогрессивного развития человечества и утверждать, как это делает ряд историков, что на отдельных этапах, особенно – в советский период, Россия якобы “двинулась в исторически бесперспективном направлении и на многие десятилетия свернула с пути мировой цивилизации”.

Исследование В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова подтверждает, что пережитые Россией радикальные технико-экономические и социальные трансформации лишь отчасти совпадали по времени с политическими трансформациями, они имели относительно постоянный вектор, определяемый потребностью в модернизации. События дооктябрьской, советской и постсоветской истории вполне закономерно рассматриваются как ответы на исторический вызов времени, причем общность их социальной динамики определялась единством содержания модернизационных проблем.

В заключение авторы подчеркивают, что благодаря трехсотлетнему опыту перманентной модернизации уральской металлургии, вырывавшей регион и страну в целом из оков традиционного общества и обеспечивавшей прорыв в современную индустриальную цивилизацию, “Россия не оказалась на обочине всемирной истории, более того, она явилась не только объектом, но и субъектом этого процесса... Не идеализируя модернизацию, необходимо считаться с тем фактом, что мир шел именно таким путем, и России ничего не оставалось как своевременно встроиться в этот процесс, чтобы не быть перемолотой в нем” (с. 838). С этой оценкой невозможно не согласиться.

Фундаментальная монография В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова освещает богатейший исторический опыт уральской и российской металлургии, содержит огромный фактический и статистический материал, обширную информационно-аналитическую базу. Эта книга будет широко востребована историками и экономистами, занимающимися изучением российской и уральской промышленности, российской и уральской металлургии, будет полезна преподавателям вузов, студентам, всем интересующимся историей Урала, России в целом и их ролью в мировом историческом процессе.